ИМ 4-4
151

№ 52

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE

Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ
1956 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

32-й год
издания

БОЛЬШЕВИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Теоретически большевики не должны испытывать никаких затруднений при разрешении национального вопроса. Да и самого этого вопроса не должно быть. Ведь все большевики формально — интернационалисты, дети одного отца Карла Маркса. На практике, однако, получилось обратное: многие большевики оказались со значительной зарядкой национализма.

Большевизм начал свое утверждение в России; естественно, что и красный национализм исходит оттуда. Ленин царствовал сравнительно недолго, поэтому трудно сказать, был ли у него национальный душок, но у Сталина этот душок был. При Сталине (и, конечно, по его приказу) слово "родина" начали писать с большой буквы; появилось "социалистическое отечество," вопреки первоначальному утверждению марксистов, что у рабочего нет отечества; канул в вечность и первоначальный советский гимн "Интернационал," и вместо него начали распевать везде и всюду "Широка страна моя родная," а прославление всех лиц (вплоть до Ивана Грозного), так или иначе способствовавших укреплению Государства Российского, стало обязательным. Одним словом, расцвел красный (или квасный) патриотизм.

Национализм, как и всякое нездоровое явление, — заразителен. Все лица, соприкасавшиеся с Кремлем (квизлинги) тоже стали националистами, но "своими" националистами, а не московскими. У Сталина, конечно, была возможность прославлять Грузию и править Россией, но у квизлингов такой возможности не было. Никто из них не мог, опираясь на Россию, славить свою страну. Перед ними стоял выбор: или плясать под дудочку Сталина, или гнить в тюрьме. Тито избежал этого лишь потому, что, опираясь на собственных, преданных ему охранников, арестовал сталинских молодцов, все время держал ухо востро и оказался вне досягаемости, но сторонников Тито, как и сторонников Троцкого, Сталин драл, как Сидорову козу. Со смертью Сталина должны были, конечно, произойти изменения и в сфере национальных отношений. Уменьшилось давление со стороны Москвы в странах-сателлитах, где начали окрыляться национальные чаяния, вылившиеся в открытое восстание в Венгрии. (Пожар вспыхнул в Польше, а оттуда перебросился в Венгрию).

Никто, конечно, не станет отрицать, что Венгрия, как и любая другая страна, независимо от ее размеров, имеет полное право на самоопределение и независимость. Но тут возникает вопрос: приближает ли это нас (т. е. человечество) к тому состоянию, когда люди (все люди) будут жить мирно, по-братски? Увы, дробление по национальным признакам не приближает нас к мирной и братской жизни. Предположим, что все население земного шара достигнет абсолют-

ной национальной независимости, т. е. каждая народность, даже самая маленькая, будет управляться самостоятельно,—на земле добра не будет, потому что национальное самоопределение, даже самое идеальное, доведенное до такого состояния, когда ни в одной стране не будет меньшинства, подавляемого большинством, не разрешает ни одного социального вопроса, а наоборот, создает накаленную социальную атмосферу, весьма похожую на природную атмосферу во время грозы. Как во время грозы неизбежны раскаты грома и сверканья молнии, т. е. *столкновение двух сил,* так и при национальном размежевании неизбежны *столкновения двух или нескольких национальных интересов.* Пример—положение на Ближнем и Среднем Востоке. Очень возможно, что некоторым личностям нравятся раскаты грома и вспышки молний, но большинство людей, вне всяких сомнений, предпочитает тихий, теплый дождик... Так и в социальном смысле: для большинства людей желательна мирная, трудолюбивая и осмысленная жизнь. Это возможно лишь при условии, что в основу жизни положено то, что *объединяет* людей, а не то, что их *разъединяет,* т. е. эгоистические национализмы.

***

Повторяется история с легендарным ящиком Пандоры, заключавшем в себе, как известно, всех злых духов. Пока на ящик не обращали внимания, пока его не открывали, злые духи преспокойно там дремали; но как только открыли (из любопытства) злые духи мигом выскочили оттуда и водворить их обратно в ящик не удалось. То же самое и у большевиков: пока они были интернационалистами, национального вопроса у них не существовало. Но когда они начали козырять патриотизмом и бить на национальные чувства, последние закружились с такой силой, что захватили самих большевиков. Не только московским диктаторам, но и тем, которые сидят в Белграде, Варшаве, Будапеште, Бухаресте и т. д., захотелось петь: "Хороша страна моя родная..." Как тут быть?

Разрешить этот вопрос можно было бы легко и безболезненно, ибо во главе требующих национальной независимости стоят те же большевики; их требования никакой опасности для Москвы не представляют. (Вопреки утверждениям таких антибольшевиков, как солидаристы, усмотревших в событиях в Венгрии чуть ли не "капут" всему большевизму). Ведь немыслимо, чтобы Тито, Гомулка, Надь и другие красные патриоты стали гробовщиками большевизма или пошли войной против Кремля. Если возможно существование разнонационального капитализма, то почему невозможно существование разнонационального большевизма? Все это так, но... *национализм неразрывно связан с империализмом,*—хозяйственным или политическим. Каждый националист полагает, что его страна—самая лучшая, и думает только о том, чтобы *взять,* увеличить свои владения, но не о том, чтобы *отдать.* По этим мотивам кремлевские богдыханы и упорствуют, когда речь заходит об уступках. Во времена Сталина уступки были немыслимы, сейчас они мыслимы, но только в самых крайних случаях, когда Хрущев и Ко видят, что уж нельзя не уступить. С этой точки зрения все препирательства между Москвой, Варшавой, Белградом, Будапештом и другими столицами "народных демократий" не представляют большого интереса. Единственно, что интересно, это факт переключения большевиков из интернационалистов в националистов.

Очевидно большевики действуют по тем же "законам," по которым действуют все остальные привилегированные группы. Первейший способ — одурманить население и держать его постоянно в дурмане. Для этого создаются всевозможные мифы и догмы — религиозного или светского характера — и усиленно пропагандируется привязанность к ним. Патриотизм и национализм, будучи естественным выражением примитивного человека в кочевной период истории, когда оседлые племена защищались от нашествия кочевников, не могут служить высшим идеалом для благоустройства современного человеческого общества, когда народы тесно соприкасаются друг с другом. Поэтому патриотизм и национализм являются ныне нездоровым пережитком прошлого. Они обостряют международные отношения, а разжигание национализмов и националистических страстей приводит только к войнам.

"Наша страна" звучит гордо, но сколько тут парадоксов. Под понятие "наша страна" одинаково подходят и богатые и бедные, рабы и господа; те, кто правит, и те, которыми правят... В конце концов "наша страна" не что иное, как затуманивание действительности, обеление несправедливости; она засыпает рвы и сглаживает острые углы между социальными слоями. Большевики, превратившись в своеобразную касту фара-

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ил-29058-02

онов, знают, конечно, какая пропасть отделяет их от нищего и бесправного населения. Чтобы засыпать эту пропасть, они и прибегли к старому, давно испытанному средству — патриотизму. Это одинаково относится, как к заправилам Кремля, так и тем, кто будучи его противниками, пытаются "выехать" на патриотизме и прикрыть недостатки своей системы задорным чувством национализма.

Рассчеты большевиков до известной степени оправдываются. Лица, недавно побывавшие в СССР в качестве туристов, почти единогласно утверждают, что среди населения заметен подъем гордости. Даже несогласные с программой большевиков прощают им многое за то, что они подняли Россию на высоту первоклассной великой державы. До каких пределов доведен национализм в сателлитах, мы видим из событий, происходящих в Венгрии и Польше. Пока Гомулка был только большевиком—его ненавидели, а когда он стал еще и националистом,—его начали считать героем, как Тито в Югославии, Надя в Венгрии, где советские войска силою оружия "наводят порядок," поставив послушное Москве правительство Кадара.

На кремлевских владык нужно смотреть, как на носителей и насадителей *рабского строя.* Красная армия в их руках является инструментом. Они погнали русских солдат в Венгрию "на усмирение мятежников." Не мало красноармейцев и офицеров перешло на сторону повстанцев или дезертировало. Но и это не помогло делу свободы. Да, и требования руководителей повстанцев сводились главным образом к уводу советских войск, но внутренних реформ не касались. Все оставлялось по-старому: та же кабала, то же бесправие, лишь бы все это проводилось под национальным флагом и без присутствия иностранных войск. Разве это не доказательство, что патриотизм и национализм — прикрытие несправедливости? Какую, например, выгоду имеют югославские крестьяне и рабочие от того, что страной правит независимый от Москвы большевик Тито? С этой точки зрения пролитая в Венгрии кровь — напрасная жертва. Но это не значит, что надо сложить оружие, нет, борьбу надо вести. И надо бороться за полное освобождение от угнетения и эксплуатации человека человеком.

Если люди должны жертвовать собой, то уж жертвовать за что-то возвышенное, — за *Свободу, Равенство и Братство,* а не за смену лиц на командных высотах, что не может принести никакого облегчения трудовому населению. Самый верный способ борьбы с большевиками состоит в установлении *Свободы, Равенства и Братства там, где большевизм не успел еще восторжествовать.* Без этого стрелы, пускаемые против большевиков, не дадут желательных результатов.

А.

АНАРХИСТЫ И ПРЕССА

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и оффициальным выразителем ее мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься не только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнение, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется, невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об официальном органе.

Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с нею согласны. Группы или товарищи, не согласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды. В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда против большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, нисколько не нарушая товарищеских отношений группы. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений всех анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма.

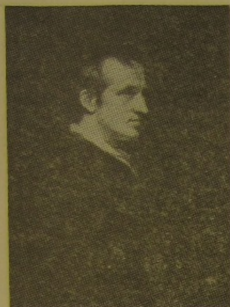
Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с нею.

Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об официальных партийных органах сидит еще глубоко.

М. Корн

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
02-23

ПАМЯТИ ВИЛЬЯМА ГОДВИНА (1756-1956)*

Вильям Годвин

Изучением долгой жизни Годвина, хотя и не пренебрегали, но этим делом никогда не занимались люди, вполне понимавшие все значение его книги "Политическая справедливость" и глубоко заинтересованные в том, чтобы изобразить происхождение и влияние этого труда. Кроме того, для многочисленных исследователей Шелли, Годвин был, вполне естественно, противником corpus vile, человеком, в котором они заранее видели все худшее.

В действительности, жизнь Годвина представляет собою трагедию острого и сильного ума, автора бессмертной книги 1793 года, но сгоравшего после ее выхода вплоть до 1836 года на медленном огне непростительной жестокости и низости привилегированного и правящего класса, — "анти-якобинцев," их последователей и помощников.

Годвин, который не был расположен к роли героического бойца, предпочитающего умереть смертью Самсона, противостоял этим постоянным натискам, насколько был в силах. Они не согнули и не сломали его, но заставили его стушеваться, скрыть свой талант и вести такую жизнь до 80-летнего возраста. Лишь после того, как жизнь Годвина будет полностью изучена, можно будет с точностью уяснить себе степень его слабости, эгоизма и, с другой стороны, постоянства, упрямства и моральной стойкости его характера. Думаю, что все его враги знали, что он никогда не отречется от своих убеждений, никогда не сложит оружия, и за это они ненавидели и боялись его. Однако, я не в состоянии погрузиться в эту проблему путем самостоятельных изысканий.

"Исследование о политической справедливости в ее влиянии на всеобщую добродетель и счастье" (Лондон, 1793) — было издано в двух томах (in-4°, XIII, 895 стр.) в феврале 1793 года. Хотя и начатое под влиянием взятия Бастилии в июле 1789 года, это сочинение было закончено в 1792 году, еще до того, как французская революция превратилась сначала в острую борьбу партий, в новое правительство, управлявшее через комитеты, а затем—в смену диктатур и кончила империей Наполеона Бонапарта. Таким образом, Годвин, работая над своей книгой, все еще был под впечатлением, как он сам говорит, почти единодушия, с каким были встречены революции в Америке (1776) и во Франции, в отличие от революции в Англии в 17 веке, которая застала население расколовшимся на сторонников и врагов королевской власти.

Годвин объясняет это тем фактом, что в 18 столетии философия уже успела развить некоторые из великих истин политической науки и что, под влиянием Алджернона Сидней и Локка, Монтескье и Руссо, много сильных умов поняли, каким злом является сила (насилие).

Он сомневался в целесообразности таких методов спора, которые могут применяться обеими спорящими сторонами с одинаковыми шансами успеха, ибо такие методы не могут быть обоснованы, и каждая сторона может насильно навязать свое решение в результате случайности, в зависимости от превратностей войны. В этом смысле Годвин осуждал насилие, как фактор эволюции, и признавал только доказательства, силу разума, — силу, которая неуязвима и которая действует спокойно, постоянно и неодолимо.

Возрождение человечества по Годвину требует постоянного, ежечасного прогресса в деле открытия и распространения истины. Годы могут пройти прежде, чем истина начнет осуществляться. Но это не означает оправдания квиетизма (успокоенности на достигнутом). Массовая революция может предшествовать спокойному, постоянному прогрессу разума. Великие перемены иногда происходят внезапно, а великие открытия делаются неожиданно и как бы случайно. Революционное положение подобно всеобщему озарению людей, которые вдруг постигают свое действительное положение, и тогда ограничения, которыми они были опутаны до того момента, исчезают, как при-

* По случаю 200-летия рождения Вильяма Годвина печатаем статью Макса Неттлау (с некоторым сокращением подробностей) написанную им в 1936 году к столетию со дня смерти Годвина напечатанную в № 70-71 "Пробуждения."—**Ред.**

зрак. При таком кризисе не приходится наносить удар, ибо противники слишком редки и слишком слабы, чтобы помыслить о серьезном сопротивлении всеобщему настроению человечества.

Таковы некоторые ближайшие выводы, сделанные острым мыслителем, имевшим перед собой три великих примера: британскую гражданскую войну, американскую войну за независимость, французскую революцию 1789-1792 г.г. Он был очень хорошо осведомлен, благодаря продолжительному изучению, о всем ходе религиозной, философской, моральной, политической, социальной и всякой борьбы, начиная с 13-го века, и о значительном усилении борьбы в 18-ом веке во Франции, Нидерландах, Англии и Шотландии—в странах, которые были главным предметом его наблюдений. В 1792-93 годах его умственному взору представлялась четвертая революционная возможность — Британская революция, которая на деле не произошла, но которая носилась в воздухе, когда он писал. Во имя этой революции он излагал свои взгляды так подробно. Он понимал опасности, угрожающие всякой революции со сторони ее врагов, как и со стороны ее неблагоразумных друзей, лишь помогающих, по неразумению своему, врагам. Книга Годвина — один сплошной крик, предостерегающий Французскую, возможную Британскую и все другие грядущие революции. Это делает книгу Годвина живою книгою и для всех нас, ибо все мы, более или менее, являемся жертвами ошибок, от которых он столь дружески и красноречиво предостерегает нас.

Годвин в своих писаниях шел в уровень со своим временем. Перед его взорами было большое разнообразие старых режимов и новых систем: гнилая феодальная абсолютная монархия во Франции, конституционная аристократическая монархия в Англии, консервативные республики в Венеции и Швейцарии и крикливая, развивавшаяся рабовладельческая новая республика Соединенных Штатов. Сам Годвин писал в стране, где политическая критика была почти свободна, во времена Джона Уилкеса, Юниуса, Томаса Пэйна, Прайса, Пристлея, Картрайта и столь многих других. Он знакомился с резкой антирелигиозной критикой в столь многих французских и английских изданиях и в нарождавшейся социалистической литературе, возвышавшейся над уровнем утопических картин и реалистически подходившей к жизни. Перед ним уже возникала проблема фабрики, и Роберт Оуэн не был ему незнаком.

Но сошлемся лучше на его собственное свидетельство от 7-го января 1793 г. (предисловие), где он сообщает, что приблизительно в 1781 г. он из чтения политических произведений Джонатана Свифта и историков древнего Рима вынес убеждение, что монархия является самой развращенной формой правления. Приблизительно в то же время, он прочел "Систему природы" Гольбаха (1770) и произведения Руссо и Гельвеция. Он, таким образом, усвоил часть их идей, но не пришел еще к мысли о желательности такого правительства, которое было бы в высочайшей степени простым (косвенный намек на полное исчезновение правительства, т. е. на анархию), — вплоть до Французской Революции (1789), которая побудила его написать книгу. И только в процессе работы над нею он понял все значение мысли о том, что всякое правительство неизбежно противодействует нашему совершенствованию. Мы видим, таким образом, если можно так выразиться, как анархические выводы созревают на наших глазах в творчестве осторожного мыслителя. Из подавляющей массы фактического материала, свидетельствующего о злодеяниях и вредном влиянии правительства, Годвин вынужден был сделать вывод, осуждающий управление человека человеком, в то время, как столь многие другие, имевшие перед собою тот же самый фактический материал, доказывали и до сих пор еще доказывают, что это зло можно как-то исправить путем улучшения сущности управления.

Обыкновенно такие люди желали сами управлять в случае, если бы им удалось стать преемниками старых правителей. Шаг вперед, смело сделанный в этом отношении Годвином, можно сравнить с прогрессом от колдуна, знахаря, претендующего на умение излечивать болезни путем заговора и заклинания или другими обманными приемами, к современному врачу, понимающему, что разложившаяся часть тела должна быть удалена, иначе весь организм будет отравлен. Современная политическая наука, включая марксизм, все еще развивается по линии знахарства; Годвин и Прудон, Бакунин и Реклю, Штирнер и Толстой, провозглашали ту очевидную истину, что общественный организм должен быть освобожден от паразитического развития государства и всех, кто наживается с помощью государства.

Надо запомнить, что Годвин был хорошо осведомлен о критике частной собственности у целого ряда писателей от Платона до аббата де-Мабли, но он знал также и о несовершенствах их искусственных авторитарных систем. Он пришел к выводу, что ценность их критики доказана тем фактом, что она оставила заметные следы, вопреки несовершенству их систем. Он ссылается на Спарту (Ликург), Перу (инки), Парагвай (иезуитские миссии). Он цитирует иногда книгу Роберта Иоллеса "Различные виды человечества, природы и провидения" (1761), — замечательную книгу раннего социалистического периода, а также "Опыт о праве собственности на землю," которая, может быть, представляет собою книгу Вильяма Огильви из Питтенсира (1782), переизданную в Лондоне в 1891 году под заглавием "Право наследования земли," если я не ошибаюсь. В сущности, самый полный свободный коммунизм был его высшей целью, как наиболее приличествующий свободному человеку. Однако, не сосредоточившись и не специализировавшись на отрицающей государство революции, он не специализировался и на отрицающей собственность революции. Его целью и методом был самый полный и всеобщий прогресс во всем, убеждающий, ободряющий и увлекающий наименее развитых. Все остальное означало для него лишь гражданскую войну, где военная добыча доставалась бы победителю, закреплялась бы и упрочивалась бы за ним при помощи диктатуры, либо революционной, либо реакционной.

С точки зрения Годвина это не означало ни умеренности, ни капитуляции. Что было перед ним — и что стоит перед нашими глазами сейчас, если мы хорошенько вдумаемся в этот вопрос? Себялюбивые партии, стремящиеся к диктатуре во имя своего преобладания или тотальной власти. Неудовлетворенные массы, ропщущие, но послушные до тех пор, пока чувствуют надзор над собой, готовые все сокрушить, если это можно сделать безопасно, вместе с толпой, или путем вспышек всеобщего негодования. А после этого начинается раскол в комитетах, где верховодят старые организаторы или новые начальники, которых, в конце концов, тоже одурачивают или осиливают новые диктаторы.

Прогрессивные элементы, натолкнувшись на старых и новых властителей, очень скоро оказываются обессиленными, дезорганизованными, попадают в тюрьмы, подобно Годвину, Кондорсе и другим в описываемые времена, а спустя 50 лет, Прудон и Бакунин и, наконец, на наших глазах—Кропоткин и Малатеста. Годвин не полагался на бакунинскую идею разжигания дурных страстей и на кропоткинские надежды на "стихийность" (чему противоречит, как его, так и Бакунина вступление в Алльянс). Не была ему свойственна и вера Малатесты в бесконечное ангельское терпение (сопровождаемое прямым революционным действием). Никто из них и, смею думать, никто из нас не верил и не полагался на эти идеи, но считалось практичным или, вернее, ободряющим провозглашать подобные взгляды. Что же касается Годвина, то он, не принадлежа ни к какому движению и ни к какой организации, высказывал свое мнение полностью, как делал это и Штирнер полстолетия спустя. Вот почему их книги так привлекательны для тех, кто желает пить из источника подлинной либертарной мысли.

"Политическая справедливость" Годвина (этот заголовок может быть истолкован, как честность в общественной жизни и ее влияние на нравственность и счастье человечества) была настоящим путеводителем от кровавых диктатур прошлого (и, увы, нашего времени) к жизни человека в свободном обществе. Подобно тому, как богатство, постоянно увеличиваясь, достигло размеров, породивших смертоносный капитализм, — подобно этому и власть, постоянно усиливаясь, становясь властью над людьми и землею, привела к созданию гигантского современного государства, опирающегося на законы и вооруженные силы (армия и полиция) и владеющего землей (национальные и колониальные территории). Это накопление зла должно быть устранено: и первое зло, и второе должны быть уничтожены, ибо если одно из них будет уничтожено, а другое не будет, то сохранившееся зло укрепится. Государственный социализм и социалистическое государство друг друга стоят. Все это Годвин видел и убедительно разъяснял, а целый век марксистских объявлений лишь затемнил в умах людей это понимание, ясное до прозрачности.

Путь к уменьшению этих двух зол, собственности и государства, которые при содействии своего отражения в абстрактной мысли, религии, наложили свои лапы на психику богатых и сильных и на сознание их жертв, бедных и беспомощных, — путь,

предложенный Годвиным, подобен постепенному уменьшению ненормальной опухоли, когда не хотят применения более быстрых методов лечения.

Человек не заинтересован в существовании беспредельной государственной мощи и огромного накопления богатств, охранять которые можно лишь с помощью силы. Его область в повседневной жизни является свободная коммуна, автономный округ, а на этом автономном базисе он наладит свои сношения с другими народами повсюду, как это всегда делалось в дружественных социальных отношениях. Это отвечает идеалу всякого истинного анархиста, — я хочу сказать, идеалу анархистов, свободных от сектанства и не имеющих никаких специальных планов и никаких скрытых помышлений о тотальном режиме.

Товары, сырые материалы и продукты могли бы перевозиться из одной части земного шара в другую по соглашению, как и в настоящее время, не нуждаясь в создании бюрократических организмов (синдикального государства) и т. п. для этих общественных сделок, которые процветали уже в доисторические века и лишь впоследствии подорваны были хищнической таможенной политикой государства.

Итак, не только анархизм и не только какая-нибудь форма социализма были показаны миру в замечательной книге Годвина в 1793, — здесь показаны пути, к нему ведущие, каковыми необходимо и логически являлись пути социалистические и анархические, а в качестве препятствий, которые необходимо было устранить, названы были собственность и государство.

"Политическая справедливость" явилась большим интеллектуальным усилием и подлинным продуктом английской и французской гуманистической мысли второй половины 18-го века, английской радикальной политической критики, общей социальной критики периода приблизительно 1790-х годов и годов бурной, почти революционной жизни в Англии, Америке и Франции между 1780 и 1792 г.г., когда французская королевская власть была свергнута, а британские революционные общества готовились к подобному же образу действия в их собственной стране.

Выступление Годвина не было единичным, хотя те, кого я сейчас назову, и не находились с ним в связи. Я имею здесь в виду "Набросок исторической картины прогресса человеческого ума," последний труд изгнанного жирондиста, знаменитого Кондорсе, который, преследуемый и арестованный, отравился. Он стремился к "фактическому равенству и к всемирному свободному обществу свободных людей," где тираны и рабы, попы и их глупые или лицемерные орудия будут существовать лишь на страницах истории и на подмостках театра. А молодой Вильгельм фон Гумбольт (брат Александра; умер в 1835 г.) написал весной 1792 года, — также под влиянием впечатлений парижской революции — свою рукопись, "Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen" ("Мысли о попытке определить пределы деятельности государства"), из которой Шиллер напечатал отрывок в своем обзоре (полное издание, Бреслау, 1851 года); "Круг деятельности и обязанности правительства," Лондон 1854; (два французских перевода сделаны были в шестидесятых годах и т. д.), Вильгельм фон-Гумбольт, подобно Годвину, испытывал желание предостеречь французскую революцию против ее рокового авторитарного пути.

Кондорсе, вероятно, думал так же, но умы почти всех французских революционеров обращены были назад, к авторитарному прошлому — к новому Ликургу, новому Гракху, новому Спартаку, — и неизбежно, логически, это привело к новому Ю. Цезарю, Бонапарту. Годвин, Кендорсе, Вильгельм фон-Гумбольт принадлежали к числу очень немногих, смотревших вперед — от государства к свободному обществу.

Годвин послал свою книгу французскому Национальному Собранию, но этот экземпляр, повидимому, не нашел себе большого спроса, ибо Георг Фостер, германский натуралист и экономист, друг братьев Гумбольт, подобрал его там и сделал из него обширные выписки. Он чрезвычайно заинтересовался книгой (письмо от 23-го июля 1793). Но Фостер умер полгода спустя. Другой немец, в то время еще молодой, Франк Ваадер, позднее ставший мистическим католическим писателем, прочел книгу в Лондоне в 1793 году и пришел в восхищение.

Осталось неизвестным, по чьей инициативе сделан был перевод (Георгом Микелем Вебером), из которого только часть первая, включавшая первый том книги Годвина, была напечатана в Вюрцбурге в 1803 году. Бенжамен Констан позднее сообщил (1817), что было задумано несколько французских

переводов, но они остались незаконченными, — из них один начат был им самим. Но этот анти-революционный французский писатель имел лишь ввиду высмеять предполагаемую умеренность Годвина в его выступлении против защинтиков революционного террора. Он предполагал, таким образом, сделать неподобающее употребление из книги Годвина; все же очень жаль, что такая книга, всегда бывшая и остающаяся живою книгой в Англии, не была сделана доступной французскому и немецкому читателю, а также и, как это достоверно известно (по крайней мере, до 1905 года) русскому читателю.

Первое английское издание по 3 гинеи за экземпляр ускользнуло от предполагавшегося судебного преследования, именно по причине этой высокой цены, но, по некоторым сведениям, высокая цена не помешала книге получить широкое распространение и остаться образцовой работой. 4000 экземпляров были проданы. Это издание попало в руки многих радикальных рабочих, благодаря их обычаю подписываться на книги коллективно. Привилегированные классы и друзья правительства, сторонники власти, встретили книгу, как удар и как смелый вызов всему их режиму, тогда как вдумчивые люди восхищались ею, как наиболее логическим выводом из философской мысли. Если ранее того времени, под впечатлением революции во Франции, монархия и республика оставались предметами спора, то теперь все формы власти и правительства подверглись осуждению.

То обстоятельство, что ему не удалось убедить человечество в целом или широкие массы в правильности своих целей и методов, не является аргументом против него. Подобно всякому мыслителю или художнику, провозглашающему высокий идеал, он столкнулся с окаменевшим консерватизмом, с враждой имущих, с интеллектуальной и моральной ленью и непроницаемостью рядового человека, с противодействием правящих классов, а также и с предрассудками многих революционеров, которые, при всем своем желании, никогда не поднимаются выше общепринятых авторитарных понятий. Когда какая-нибудь идея привлекает таких людей, то они стараются навязать ее всякому и часто готовы сражаться и умирать за нее. Если они добиваются успеха, то становятся диктаторами; если же терпят неудачу, то они более, чем когда-либо, стремятся завоевать возможно большую власть, больший авторитет, чтобы все-таки, в конце концов, победить. Эти течения были живы во время подъема, отличавшего вторую половину 18-го века, и подобного подъему последних лет и наших дней. Старый режим был (без сомнения — по справедливости) обречен на гибель, в целом и во всех частях его.

Жестокость режима вызывала сильную жажду мести, и у многих это решение было суровым, твердым, непоколебимым. Таким образом и от чувств, и от холодного абстрактного рассуждения исходили те влияния, которые воспитали новых и неподкупных государственных людей типа Робеспьера и Сен-Жюста — безупречные, не запятнанные, бескорыстные представители абстрактного авторитета. По их примеру многие укрепили свои души для страстной или бесстрастной жестокости.

Все они были властниками, умственно жившими в прошлом, диктаторами на деле или в мечтах. А нарождавшийся социализм, социализм Бабефа и Буонарроти, стремился к коммунистической диктатуре тех же самых элементов, которые были наиболее рьяными сторонниками республиканских диктаторов и революционных комитетов или, подобно Буонарроти, большими почитателями Робеспьера. Как раз в то время, когда появилась книга Годвина, на гильотину стали всходить дантонисты на равне с гебертистами, жирондисты наравне с "бешенными." Анти-якобинским республиканцам всех оттенков пришлось познакомиться с гильотиной. Томас Пэйн едва спасся, а в 1794 году ближайшие сторонники Робеспьера сами были обезглавлены умеренными, которые в последующие годы управляли республикой и обезглавили последних монтаньяров в Пререале (Ромм). Наконец, и сам Бабеф был казнен, после чего последние остатки социалистических сил были уничтожены, а республика стала легкой добычей первого же грабителя, ген. Наполеона Бонапарта.

Против всего этого Годвин очень добросовестно предостерегал. Надо верить в его искренность, потому что в Лондоне, среди так называемых английских якобинцев, он встречал людей почти тех же качеств и склонностей и очень хорошо их знал. Они находились еще в периоде широкой агитации и устройства всякого рода секретных связей. Весьма вероятно, что все французские оттенки мнений имелись и здесь, хотя нет сомнения, что нравы английской общественной жизни видоизменяли это подражатель-

ное движение.

Они были очень деятельны и полны энтузиазма, но им не хватало такого подавляющего успеха с первых же шагов, каким оказалось взятие Бастилии 14 июля 1789 г. Правительство играло с ними, как кошка с мышкой, и держало их в руках. Оно скрывало свой предательский умысел нанести им сильный удар в тот момент, когда их ассоциации в коалиции созреют и превратятся в заговоры. Тогда правительство раздавило бы их массовыми казнями и ссылками, отменой свободы слова и свободы печати, с тем, чтобы с корнем вырвать это передовое движение и сокрушить друзей демократической свободы и независимой религиозной мысли в духе сочинения Томаса Пэйна "Век разума," а также сторонников аграрной и социалистической реформы Томаса Спенса, смелых литературных и художественных критиков, вместе с нарождавшимися коалициями тред-юнионистов, друзей Ирландии и, конечно, вместе с Годвином, являвшимся воплощением неверия в мощь государства и во всякую ортодоксию. Всем им пришлось бы пострадать.

Этот гнусный план не удался, так как после большого судебного процесса Томас Гарди был оправдан присяжными заседателями (1794). Правительство не посмело более устраивать эти суды в Лондоне, хотя несколько жертв пали в Шотландии. Годвину, подобно другим, едва удалось спастись, и на деле смелый акт присяжных заседателей не оказался настоящей народной победой: правительство лишь продолжало преследовать свои реакционные цели другими методами. То, чего оно не могло сделать открыто, оно стало делать с помощью скрытых орудий, действуя подобно "Брави" (наемные убийцы Венецианской Республики). Фашистские методы крупного масштаба ведут свое происхождение именно с того времени, от 90-х годов 18-го века, в Лондоне. Огромная волна искусственно раздутого ужаса перед французской революцией также пронеслась по Англии. Журнал "Антиякобинец" был наемным выразителем этого патриотического движения против всех друзей свободы. Это движение, разумеется, терроризировало издателей, другие журналы и т. д.

В 1793 году книга Годвина "Политическая справедливость" встречена была с восхищением широкими кругами, теперь же о ней стали шептаться, как об одном из источников всех зол. Несмотря на то, что во втором удешевленном издании (с предисловием от 29 октября 1795 г.) Годвин сделал некоторые изменения, описанное выше положение должно быть принято во внимание в том смысле, что необходимо рассмотреть, было ли или не было более выгодно для него лично не выпускать нового издания вовсе, вместо того, чтобы печатать книгу наперекор всему, но с упомянутыми выше предосторожностями.

В книге "Исследователь, Размышления о воспитании, манерах и литературе. Серия очерков" (Лондон 1797; неавторизованное издание вышло в Дублине в 1797 г., а также в Лондоне в 1823 г.) Годвин все еще рассуждает в своей прежней манере. Он резкими штрихами описывает жестокость общества в романе "Калет Вильямс," напечатанном в мае 1794 года.

После этого литературные пути были так искусно закрыты для него, что в качестве литератора он вынужден был писать книги самого разнообразного характера и ценности до последних лет своей жизни. Между прочим, он написал очень обоснованное опровержение Мальтуса. Ни одна из этих книг не связана с "Политической справедливостью." Тем не менее, книга, написанная им в 1793 и 1796 г.г., существовала и представляла собой комплекс идей, которые автор твердо отстаивал в спорах с друзьями и вдохновителями, и эти идеи не были опровергнуты путем критики или клеветы, они не были забыты, никогда не выходили из общения и всегда были доступны.

Идеи, изложенные Годвином в "Политической справедливости," иногда подвергались обсуждению или предлагались читателю в кратком изложении, напр., Эльцбахером (1900), Реймонд Бург (1906), Еленой Зайцевой (1907), Пьером Ромюз (1907), а также профессором Г. Адлером в его введении, написанном в 1904 году и т. д. Многое, однако, осталось еще не сделанным, и необходимо, мне кажется, новое, непосредственное исследование в свете нашего нынешнего опыта. Имеется также на немецком языке исследование Поля Эльснера (1906), пытающегося установить, чем Шелли обязан "Политической справедливости." "Калет Вильямс" привлек особенное внимание Рудольфа Рокера, который сделал немецкий перевод этого романа (1931).

Каковы бы ни были качества или недостатки характера Годвина, его имя связано

с двумя из преданнейших друзей свободы в Англии — с Мэри Волстонкрафт, автором книги "Права женщины," которая была его женой до ее смерти от родов, а также с Перси Биши Шелли. Поэт, мечтавший о свободе, черпал вдохновение из "Политической справедливости." Он укрепился в этих мыслях путем личного интеллектуального общения с Годвином, а затем и женился на дочери Годвина. Эта женитьба, как и все такие связи в жизни поэта, имела свои светлые и свои темные стороны, дни радости и дни огорчений. Годвин был одним из тех, кому пришлось осушить горькую чашу до дна. Здесь достаточно будет указать на оба эти имена. Мэри Волстанкрафт (относительно которой Годвин напечатал в конце 90-х годов обширные воспоминания) и Шелли, свободнейший ум начала 19-го века в Англии: ранняя либертарная мысль в Англии не знала более прекрасного трио, чем эти трое.

Из этого краткого обзора произведений Годвина я опять делаю заключение, что социалистическая литература, первым широко задуманным произведением которой явилась книга Годвина, представлявшая собою продукт социалистической мысли в полном и широком смысле слова, начала развиваться при хороших предзнаменованиях, в качестве цельной и полнокровной концепции.

До этого времени существовали лишь примитивные произведения. В последовавших произведениях было много искажений. Я возражаю против искажений, хотя я вовсе не против специализации. Необозримая обширность предмета, разумеется, требовала значительной специализации и дальнейшей разработки, но это вовсе не значит, что нужно было сокращать, уменьшать и уродовать источники. Первые начатки представляли собою социальную критику утопии, планы и предложения, стихийные бунты, примитивные организации. Искажениями были: отказ от свободы у авторитарных социалистов: отказ от солидарности у Тукера и Уоррена; отказ от революционного действия, опыта и терпимости, с каким мы встречаемся у всех реформистов, диктаторов и тоталистов во все времена.

Тот социальный переворот, который мы предвидим, никогда не будет делом одного класса: если этот огромный переворот вообще произойдет, то он может быть лишь результатом общих соединенных усилий, наиболее сознательной части всего человечества. Препятствия могут быть устранены лишь применением энергии в надлежащем месте, подобно тому, как туннели могут быть пробиты сквозь самые твердые скалы. Но совершенно подобно тому, как отброшенные в сторону камни не образуют, автоматически, обитаемых и удобных домов, так и разрушение само по себе еще не является творческим.

Интеллект, этика и воля необходимы здесь для того, чтобы облечь в подобающую форму каждый результат, большой или малый. Я убежден, что то же самое может быть доказано на основании многих страниц книги Годвина 1792 г., как это и думал Малатеста до конца своей жизни в 1932 г. Но в течение всех этих промежуточных лет, многие и многие искаженные толкования продолжали существовать. Углубленное изучение книги Годвина представляет собою трудный, но зато и приятный и очень интересный путь к более здравым понятиям.

Волна диктатур, поднявшаяся во Франции в 1793 году и лишь спавшая немного в июле 1830 года, но не раньше того, помешала международному распространению "Политической справедливости." В Англии эта книга оставалась путеводной звездой наиболее либеральных и радикальных мыслителей и была дорога передовым работникам вплоть до 40-х годов, как это показывает появление перепечатки книги в 1842 году. Приблизительно в половине 19-го века книга Мадзини "Обязанности человека" явилась настоящим набегом на эту передовую среду. Она ввела сюда деизм, антисоциализм, национализм, покорность перед добродетельными людьми, как вождями и т. д. Все это подорвало корни британской радикальной свободной мысли и четкого отрицания государства. Все же в Англии второй половины 19-го века существовало недоверие к государству, как социальному фактору, отвержение Маркса и марксизма, предрасположение к свободному, цельному и натуральному социализму, подобному социализму Вильяма Морриса. Это в значительной степени объяснялось длительным влиянием Годвина.

Действительно, в те 10-летия изд. "Политической справедливости" (4°, 8° и 12°), нередко встречались в книжных лавках. Это показывает, как широко книга Годвина была распространена среди читателей предыдущих поколений.

Лучшие из передовых рабочих, гуляя вдоль книжных рядов, рано или поздно выбирали себе книжку Годвина, издания 1824

года или даже, как это было в одном известном мне случае, издания 1792 года, и гордились тем, что имели эту добрую старую книгу. Если эти времена теперь миновали, то лишь скажу: об этом надо очень пожалеть. Вместе с Годвином, Роберт Оуэн, Вильям Томсон (1824) и Вильям Моррис заложили прочное основание подлинного социализма, и эта работа не пропала даром...

Кстати, американцы могли бы вспомнить о маленькой книжке, перепечатанной в 1836 году в Лондоне и впервые изданной в 1833 году в Питтсбурге (Пенн.) "Рай, которым человек может овладеть без труда, при помощи сил природы и машин." Книга написана И. А. Этцлером. Второе английское издание вышло в 1842 году; немецкий перевод был напечатан в Ульме, в 1844 году. Книга представляет собой настоящий дифирамб грядущей упрощенной и децентрализованной технике, несущей огромное облегчение и усиление производительности человеческого труда путем повсеместного слияния движущих сил воедино. Этцлер предвидел это задолго до того, как было введено применение элекричества и почти за десять лет до того, как появилась книга Кропоткина "Промышленная деревня." Для него, как и для древне-греческого поэта, новая машина означала увеличение довольства и счастья, облегчение жизни для всех.

В этом отношении почти все пали жертвами фаталистического и фетишистического преклонения перед машиной, ставшей жестоким экспроприатором труда у людей. Всего этого не было бы, если бы было много вдумчивых и верящих в будущее людей, подобных Годвину и Этцлеру и другим, которые никогда не склоняли головы. Будем верить, что надежда возродится в наших сердцах прежде, чем станет слишком поздно. В этом свете представляется мне теперь Годвин. Я рад, что представился случай еще раз продумать, чем мы все, по моему мнению, обязаны его замечательному труду — подлинному продукту лучших годов 18-го века и истинному светочу интегрального социализма и свободной жизни.

На пороге современной социальной мысли этот светоч все еще горит ярким и ясным огнем.

М. Н.

По техническим причинам статья Липоткина, посвященная памяти Н. А. Рубакина к 10-летию его смерти, будет напечатана в следующем выпуске "ДТП."—Редакция.

ЗАКОН...

В современных государствах на новый закон смотрят, как на верное средство от всех бедствий. Вместо того, чтобы самим преобразовать все, признанное негодным, требуют издания закона, предписывающего реформы. Стала ли непроходимой дорога между двумя деревнями, — крестьянин требует издания закона о проселочных дорогах. Обошелся ли грубо с кем-нибудь лесной сторож, оскорбленный требует издания закона, предписывающего вежливость лесным сторожам. Замечается ли застой в торговле или земледелии—"нам нужны покровительственные законы,"—говорят земледельцы, скотоводы и спекулянты хлебом. Даже старьевщик требует закона, охраняющего его жалкую торговлю. Понизит ли хозяин заработную плату, увеличит ли он число рабочих часов, — "нужен закон, который положит конец этому произволу!" — кричат депутаты вместо того, чтоб внушить рабочим, что есть простое и верное средство "положить навсегда конец этому произволу" — отобрать у хозяина все, что он отнял у целых поколений рабочих. Словом, везде закон! Закон о проселочных дорогах, закон о способах производства, закон о бешенных собаках, закон о добродетели, закон, как преграда всем порокам, всем бедствиям — этим плодам человеческой беспечности, малодушия и подлости!

Мы все до того испорчены воспитанием, которое с раннего детства убивает в нас всякое стремление к свободе и самостоятельности и развивает поклонение авторитету и подчинение власти, до того развращены нашим существованием под ферулой закона, регулирующего все: наше рождение, наше воспитание, развитие, любовь, дружбу, — что, если это будет продолжаться так дальше, мы потеряем всякую инициативу, всякую способность мыслить самостоятельно и свободно. Наше общество не способно понять, что можно жить при ином режиме, чем режим закона, выработанного представительным правительством и применяемого горстью правителей; когда ему удастся освободиться от ига старого режима, оно спешить провозгласить новую власть, новых правителей...

П. Кропоткин

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"!

70-ЛЕТИЕ ГАЗЕТЫ "Freedom"

В январе 1886 года, через пять дней после освобождения из тюрьмы Клерво, Петр Кропоткин писал своему другу Георгию Герцигу (редактору "Лэ Революэ" в Женеве): "Меня вызывают в Лондон, чтобы основать анархическую (на английском языке) газету; средства имеются и я погружусь в работу."

Основанная им газета была не первой анархической газетой в Англии. Иоганн Мост издавал в Лондоне "Freiheit" перед тем, как он эмигрировал в Америку, а в 1885 г. начала свою продолжительную карьеру газета "Арбэтэрфроенд" на еврейском языке. В том же году Хенри Сеймор, английский последователь Бенджамина Тукера, начал издавать газету "Анархист" (на английском языке).

Кропоткин прибыл в Англию в начале марта 1886 г., и первая "Группа Свободы," кажется, была основана в том же месяце или в первой половине апреля 1886 г. У Сеймора были затруднения со средствами на газету. На собрании в доме русского революционера Степняка (Сергея Кравчинского) пришли к соглашению, что в дальнейшем газета будет издаваться под совместным направлением Хенри Сеймора и "Группы Свободы," которая состояла из Кропоткина, Шарлотты Вилсон, д-ра Бэрнс Гибсона, Ф. С. Мерлино и Николая Чайковского.

Но соучастие с Сеймором было неудачно, и "Группа Свободы" в *октябре 1886 г.* опубликовала первый выпуск газеты "Свобода." Большая часть работы выполнялась Кропоткиным и Ш. Вилсон, которая стала редактором. Выпуску газеты помогали друзья вне группы. До июня 1888 г. набор производился в печатне Социалистической Лиги, что было налажено Вильямом Моррисом, в то же время Анна Безант гостеприимно предоставила помещение издательской компании "Свободная Мысль," под контору "Свободы."

В 1894 г. "Свобода" переняла помещение на Оссулстон улице, в котором была контора "Факела," анархического журнала, издаваемого дочерьми Дантэ Габриэля Розетт. Оно служило конторой газеты "Свобода" до 1920 года, и здесь, в 1890-х годах, Эрико Малатеста помогал сборке печатного станка, на котором газета "Свобода" печаталась в течение многих лет, — станок типа "качалки," который уже был в ходу 75-80 лет и требовал три человека вертеть рукоятку, одного подавателя бумаги и другого выбирателя. (В один из его позднейших визитов Малатеста, будучи электротехником, установил освещение).

В 1895 г. болезнь Шарлотты Вилсон и усилившиеся преследования анархистов полицией повели к приостановке газеты на несколько месяцев. Издание было вознобновлено в мае того же года, когда Группа Свободы соединилась с крылом Социалистической Лиги, отколовшимся по фундаментальному вопросу парламентарной или же антипарламентарной деятельности.

Том Кантвелл из анархической фракции Социалистической Лиги, корзинщик по профессии, научившийся печатанию, стал печатником "Свободы," новым редактором которой был Алфред Марш, поддерживаемый группой, состоящей из Кропоткина, Черкезова, Чайковского, Макса Неттлау и Кантвелла, которому все в большей степени помогал Том Килл, профессиональный наборщик. Здоровье Кантвелла пострадало во время его заключения на каторге за его участие в демонстрации против открытия Тоуер Бридж принцем Уэлльским. В 1902 г. Кантвелл имел удар, от которого он никогда уже не поправился. Килл оставил свою работу и стал наборщиком, управляющим, а впоследствии и подлинным редактором дорого анархического ежемесячника. Он стал полным его руководителем в 1913 г.

Война 1914 г. произвела раскол в Группе Свободы: Кропоткин, Турнер, Уесс, Черкезов и другие предпочитали сторону союзников, а Килл оставался противником войны, отказываясь быть засчитанным в число платных слуг провоенной фракции, и со все растущей склонностью к идеям Малатесты, печатал статьи последнего против войны в продолжение 1914-1916 годов.

За печатание и распространение антивоенной и антирекрутской пропаганды Килл и его компаньонка Лилиан Вулф, которая и по сей день продолжает быть активным членом Группы Свободы, отбыли тюремное заключение. Вскоре после первой мировой войны, смерть В. С. Оуена, который сотрудничал с Рикардо Флорес Магоном во время Мексиканской революции, лишила "Свободу" еще одного прочного подспорья и сотрудника. Вообще послевоенная депрессия г

разочарование повлияли неблагоприятно на распространение свободнических идей.

В 1927 г. Килл должен был прекратить издание за недостатком поддержки и удалился в Уайтвэй колонию, в Глочестершайр, где он продолжал выпускать "Бюллетень Свободы" (с 1928 по 1932 г.), последний выпуск которого в декабре 1932 г. был посвящен памяти Эррико Малатеста.

В 1930 г. Джон Турнер начал издавать в Лондоне новые серии "Свободы," как "журнала свободнической мысли, работы и литературы," — которые продолжались с перебоями Джоном Хомфрэй и другими.

Испанская революция в июле 1936 г. внесла новую жизнь в анархическое движение по всему свету, и через месяц или два после июльского восстания, листовка под названием "Борьба за Свободу в Испании" послужила сигналом вознобновленной деятельности печати "Свободы."

В ноябре 1936 г. был издан первый выпуск "Испания и весь Свет" и в течение двух с половиной лет эта двухнедельная газета, единственная во всей стране, печатала правдивую историю испанской революции, которую пресса справа и слева пробовала маскировать, как борьбу демократии против фашизма или бога против большевизма.

В конце испанской войны, название газеты было переменено на "Рэволт," а после взрыва второй мировой войны печать Свободы, усиленная растущим кругом молодых энтузиастов-приверженцев, начала издавать "War Commentary" ("Коментарии на Войну") сначала как месячник, а позже как двухнедельник. В мае 1941 г. книжный магазин "Свободы" на Пассаже Красного Льва сгорел до тла во время воздушного налета и было потеряно три четверти книг и брошюр склада. Но в последующие годы непрерывный поток книг и брошюр, выпускаемых из конторы на Белсайз Роад пополнил склад, хотя в конце 1944 г., вследствие полицейских набегов газета "Свобода" должна была закрыться. Нынешний книжный склад на улице Красного Льва (№ 27) был начат в то же время.

В 1945 г. три члена издательской группы были приговорены в Олд Бэйли на 9 месяцев заключения за "подстрекательство к недовольству." И хотя в одно время пять членов редакционной группы сидели в тюрьме, и все реестры, записи и деловые книги были задержаны в специальном отделении CYD,—газета продолжала выходить без перерыва, приняв в конце войны свое старое название "Свобода." В сентябре 1945 года газета заявила о намерении издаваться еженедельно, а в начале 1947 г. был принят её нынешний формат, из восьми страниц, как она издавалась двухнедельно. Как и все другие газеты и журналы после военного периода, "Свобода" столкнулась с быстро растущими ценами и апатией, поэтому в августе 1948 г. пришлось сократить размер до четырех страниц и забыть на время о еженедельном издании.

Во всю ее историю жизнь газеты зависела от небольшого числа людей, и ужасный удар был нанесен газете трагически ранней смертью Марии Луизы Бернери 13 апреля 1949 г., которая была одним из её редакторов в течение 12 лет. "Её влияние было повсюду, и её личность давала тон всей нашей работе," —писали её сотрудники после её смерти.

В мае 1951 г. "Свобода" в конце концов стала еженедельным изданием, которое продолжается и по сие время. Она является, по нашему мнению, старейшей газетой левого крыла в этой стране. Она не имеет запасного капитала и ведется добровольным трудом. У нее постоянный дефицит, и она всецело полагается на добрую волю своих читателей к покрытию её финансовых потерь, хотя все, что ей нужно,—это 1500 новых подписчиков, что помогло бы газете покрывать ее расходы, а пожертвования пошли бы на расширение работы Прессы Свободы в других направлениях.

Одним из затруднений, с которым "Свободе" приходится всегда считаться, когда она сегодня является единственной регулярно издающейся анархической газетой на английском языке, — это необходимость соединить в себе функции газеты новостей в узком смысле, внутренний бюллетень для анархистов, пропагандистской газеты, журнал по дискуссии анархической теории и в то же время журнал достаточно живой и разнообразный для того, чтобы удержать внимание постоянных читателей. Приходится аппелировать к регулярным и случайным читателям, осведомленным и незнайкам, враждебным и дружественным, как и к читателям в Америке, Азии, Африке и Австралии, на самом деле, к читателям по всему свету. Вопрос об издании второй газеты часто поднимался в продолжении жизни Печати Свободы. В 1907 г. и опять во время первой мировой войны Том Килл выпускал еженедельник "Голос Труда," а также еже-

месячник "Свободу." Такая же попытка была сделана в 1952-1953 г.г. индустриальным редактором "Свободы" с изданием ежемесячной газеты "Синдикалист," поддерживавшим Рабочий Контроль. В другом направлении, во время и после войны, "Свобода" временно была издателем и распространителем журнала Джорджа Вудкок "Теперь." В настоящее время единственное другое периодическое издание — это выпуск годичной книги с избранными статьями из "Свободы," которая печатается с 1951 года.

Издание газеты далеко не являлось единственной деятельностью Прессы Свободы. Целые серии "Брошюр Свободы" возникли в самые ранние дни газеты, некоторые из них постоянно перепечатываются. Номером первым была "Система заработной платы" Кропоткина, № 5 — "Анархия" Малатесты, обе изданные в девяностых годах. Потом появилась "Библиотека Свободы," издающаяся совместно Прессой Свободы и Вильямом Ривсом, первой — брошюра Вильяма Морриса "Полезная работа и бесполезный труд" и длинные серии анархических брошюр, печатаемых и перепечатываемых Томом Киллом перед первой мировой войной. Одной из самых выдающихся книг его времени было издание Прессой Свободы "Общая идея революции" Прудона в 1923 г., но самым знаменитым была брошюра Джорджа Баррета "Последняя война," конфискованная полицией в 1916 г., хотя до этого было распространено около 6,000 экземпляров.

В период Испанской войны "Общественное переустройство в Испании" Гастона Леваля снова выдвинуло и восстановило этот вид работы Прессы Свободы, и более 4000 экземпляров было продано в первые две недели; но самым замечательным достижением было издание, после пожара в 1941 г. 60 разных книг и брошюр, из коих было продано более четверти миллиона экземпляров. Наряду с брошюрами местно-общего характера печатались исторические работы, совместно с перепечатанием анархических классиков печатались оригинальные работы вроде "Варварство и половая свобода" Алекса Комфорта, "Молодежь за свободу" Тони Гибсона и "Расширяющийся эксперимент" Гуткинда. Все это было сделано без всякого основного капитала, и многие ценные работы не выходили из обращения, но не могли быть переизданы за недостатком средств. Ни один автор не получал гонораров за какие-либо издания Прессы Свободы.

Настоящие задания и ставки Прессы Свободы никогда не были выражены яснее, чем в передовой статье Тома Килла "Наша специальная ниша" ("Свобода," июнь 1920 г.). Он писал:

"Перед нами имеется огромное количество спешной работы, а наши силы так малы и несоразмерны с выполнением этой работы, что, даже в пропаганде мы можем надеяться занять лишь небольшой уголок поля деятельности: в поборничестве Свободы против Авторитета наши линии растянуты и мы можем занять далеко не все посты, а лишь изредка. Поэтому, вполне разумно экономить наши силы и делать каждую ставку там, где можно произвести наиболее эффективную работу...

"Каждое поколение призвано преодолеть свои собственные затруднения и производить литературу, которая отражает и служит их собственным мышлениям и нуждам... 'Свобода' пробует заполнить свою нишу. Она избегает сенсаций, и посвящает себя главным образом дискуссии принципов, потому что она сознает, что основные принципы являются самыми существенными и самыми трудными к восприятию...

"Мы не доктринеры, пригвожденные к кресту догмы. Мы защитники и глашатаи свободы. Мы думаем, что естественные побуждения жизни ведут к добру и что жизнь должна быть прожита так, как живущие желают жить."

Отмечая пройденный путь и деятельность Лондонской Группы Свободы и ее печатного органа "Свобода," претерпевших за 70 лет не мало испытаний и преследований в борьбе за Свободу, отмечая мужество, упорство, непоколебимость и жертвенность в пропагандировании и отстаивании идеи и принципов анархизма, как в прошлом, так и настоящем, когда мир, охваченный со всех сторон щупальцами могущественных разнокалиберных государств, мечется, как угорелый, в тисках зажима и произвола диктатурщиков, толкающих человечество на самоистребление — в объятья третьей мировой войны, — мы поздравляем лондонских товарищей (продолжателей дела Кропоткина, Малатесты, Неттлау и др.) с 70-летием беспрерывной деятельности Группы Свободы, приветствуем их самоотверженную работу на благо страждущего человечества и желаем им успеха в столь славной, полезной и необходимой для общества деятельности — дальнейшей борьбе за Свободу.

Да здравствует Свобода, Равенство и Братство!

Редакция

Товарищи, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

ДИКАЯ ФАНТАЗИЯ

Мы полагали, что приписывание анархистам всевозможной чертовщины — пройденный этап. Оказывается — мы ошибались. Есть еще лица, до сих пор занимающиеся стряпней разных небылиц и нелепостей относительно анархистов.

К числу таким лицам принадлежить американский писатель Юджин Бордик (Burdick), автор книги "Девятый Вал," являющейся одной из "расхватываемых" на книжном рынке.

Живя в Лондоне, Бордик однажды, по его словам, заблудился: проехал нужную ему остановку и вышел из метро на совершенно незнакомой улице. Обыкновенно люди, пользующиеся услугами метро, в случае каких-либо сомнений или затруднений обращаются за помощью к служащим, всегда готовым указать, как выйти из затруднительного положения. Но Бордик, как видно, не принадлежит к числу обыкновенных людей: не зная, где он, — стремглав бросается к выходу из метро. Улица, на которой очутился Бордик, оказалась со страшным названием — "Ред Лайон" (Красный Лев), которое, однако, не мешает обыкновенным людям остановить первого встретившегося прохожего и спросить, как попасть в нужную часть города. Но Бордик и здесь проявил свою необыкновенность: вместо обращения с вопросом к прохожим, он принялся рассматривать дома на незнакомой улице. Его внимание остановилось на одной витрине, на которой красовалась цифра 27 и надпись — "Либерти Лайбрери." Хотя и не совсем понятная надпись, но тем не менее она полностью завладела Бордиком, и он, долго не размышляя, приоткрыл дверь магазина. Войдя во внутрь, он поразился обилием книг, газет и журналов на разных языках, но преимущественно на французском и испанском. Книги грудились везде: на полках, на столах, на стульях, даже на полу, и были покрыты толстым слоем пыли. В магазине — ни души. Только в самом отдаленном углу, за горами пыльных книг, сидела пожилая женщина и пила чай. Ароматный напиток был, повидимому, ей дороже всего на свете, ибо она не оставила своего занятия даже при виде вошедшего в магазин посетителя. Что делать? Обыкновенный человек, несомненно, попал бы в тупик, но Бордик легко нашел выход: надев очки, он принялся с видом антикварного знатока перелистывать книги. Впрочем, это занятие долго не продолжалось, так как Бордику посчастливилось набресть как раз на то, что нужно заблудившемуся человеку: на... "Учебник Синдикалистической Революции." (Речь, повидимому, идет о книге Э. Пато и Э. Пуже "Как мы совершим революцию.") Книга показалась Бордику настоящим откровением. Что ни страница — клад. Особенно увлекся Бордик (давным-давно забывший, что он сбившийся с пути человек) пометками на полях книги, сделанными красными чернилами весьма опытной рукой. (Бордику даже известно, какая рука — опытная или неопытная—сделала пометки.)

Вот, например, в тексте "учебника" сказано, что восставшие революционеры, в первую очередь должны завладеть булочными, ибо хлеб — важнейший предмет питания. Пометка против этого места гласит:

> "Все пекарни подлежат немедленному уничтожению. Чем скорее это будет сделано, тем лучше. Хлеб — враг революции. Дорвавшись до хлеба, революционеры неизбежно объедятся, вследствие чего их начнет клонить ко сну и революция будет проиграна. Во время революции преступно есть. Революционеры должны быть голодны, как собаки, тогда они с большим ожесточением будут набрасываться на буржуазию и тем самым ускорят победу революции."

В другом месте "учебника," где речь шла об охране резервуаров питьевой воды, пометка гласила:

> "Отравить воду мышьяком не стоит большого труда, а между тем выгода от этого будет огромная. Буржуазия живет в благоустроенных домах, получающих воду из резервуара. Несколько фунтов мышьяка в огромном резервуаре никому не причинят смерти, но расстройство желудка — неизбежно. Буржуазия, вследствие этого, в течение целой недели не отойдет дальше десяти шагов от своих вотерклозетов, и рабочие тем временем закрепят свою победу."

Тут подошла к Бордику женщина, напившаяся чаю, и спросила, чем она может услужить. С места в карьер Бордик выпалил:

—Кто писал пометки на полях?

—Я,—невозмутимо ответила женщина.

Видя, что это Бордика несколько ошеломило, женщина рассказала ему, что она не задолго перед первой мировой войной поехала в Италию, в тот самый город, где синдикалисты должны были поднять восстание. Приехала она туда как раз во-время; фабричные рабочие и окрестные крестьяне, во-

оруженные кольями, вилами и топорами, доканчивали буржуазию. Уже всходило солнце победы... Вдруг в распоряжении победоносных революционеров оказались большие запасы хлеба, колбасы, вина, пива и др. съестных припасов. Несмотря на то, что буржуазия была еще не добита, революционеры принялись угощаться, так сказать, праздновать победу. В этом они проявили такое усердие, что через несколько часов одна треть революционеров храпела мертвецким сном, другая, наполнив мешки всевозможными припасами, отправилась восвояси, а третья, под действием вина и пива, принялась избирать новое правительство. В это время из-за угла выскочило несколько жандармов, и революции пришел конец. С тех пор, закончила женщина, я принципиально против захвата продовольственных складов во время революции.

Бордик, повидимому, уже совершенно к этому времени забывший, зачем он сюда пришел, сразу определил, что его собеседница происходит из аристократической среды, что она тяготится своим нынешним положением, тоскует по загородной даче, по дорогим нарядам, выездной карете и т. д. И он не ошибся. Пожилая женщина охотно поведала ему, что она родилась в знатной и богатой семье. Их дом был — полная чаша. И в этом барском доме всегда толпились социалисты, анархисты, коммунисты, кричавшие и спорившие на разных языках. Приходили они туда по желанию ее отца, увлекшегося идеями Фурье. Появлялся иногда среди этой разношерстной толпы человек с красивой черной бородой, с тонкими, интеллигентными чертами лица, изысканными манерами...

—Кто же это был? — поинтересовался Бордик.

—Князь Кропоткин, — ответила женщина. — Мне тогда было только 13 лет, но я уже все прочитала, что написал Кропоткин. Писал он красиво, а говорил еще красивее. Таких обаятельных личностей я больше не встречала. Только один человек по своей обаятельности немного приближался к Кропоткину, но назвать имя этого человека я не могу, так как он разочаровался в своих идеях, переселился в другой район Лондона, занялся торговлей табака и нажил на этом огромное состояние.

Бордик, конечно, поинтересовался узнать, не чувствовала ли его собеседница осиротевшей после отъезда Кропоткина в 1917 году из Лондона в Россию.

—Я тоже уехала туда, — ответила она. — Там я познакомилась с Лениным, прочитавшим мне свои апрельские тезисы. Видела, как Ленин вел массы на штурм... Возможно, там и осталась бы, если бы большевики не убили Кропоткина.

Разговор оборвался после того, как Бордик выразил сомнение в возможности революции в США. Услышав это, его собеседница вспыхнула гневом и громко закричала:

—Вон отсюда! Сию же минуту—вон!

Выйдя из магазина на улице Красный Лев, Бордик без особого труда, хотя он и заблудившийся человек, отыскал торговца табаком и спросил:

—Правда ли, что князь Кропоткин—обаятельная личность?

—Ничего подобного,—ответил торговец. — Представьте себе маленького человека, с желтым лицом, с гнилыми зубами, кривыми ногами, с дурным запахом изо рта...

—Но ведь борода-то была красивая,—настаивал Бордик.

—Борода! — подскочил торговец. — Это не борода, а грязный веничек. Жесткие, словно перегоревшая проволока, волосы торчали во все стороны. Мухи сновали во всех направлениях, ища застрявших в волосах крошек хлеба или присохших капелек супа. Ужас, а не борода!..

Вся эта галиматья, скрепленная заголовком "Она знала князя Кропоткина," напечатана в одном из июньских выпусков журнала "Репортер," претендующего на то, что на его страницах печатаются только достоверные факты. "Репортер" выходит в Нью Иорке и попал он в описанное Бордиком лондонское здание лишь в сентябре с. г. В здании этом находится редакция анархической газеты "Фридом" и книжный склад, который, однако, называется "Фридом Букшап," а не "Либерти Лайбрари," как утверждает Бордик.

"Фридом," конечно, не могла все это обойти молчанием. Оказывается, Бордик, действительно, был в книжном магазине "Фридом," но не как заблудившийся случайный посетитель, но как попросивший принять его "by appointment." Бордику нужны были какие-то справки, и он их с лихвою получил, ибо его не только снабдили нужными сведениями, но и книгами на-дом. Никакой пыли в книжном магазине Бордик, конечно, не видал, никаких учебников с помет-

ками на полях не прелистывал. Что касается женщины, заведующей "Фридом Букшап," то тут верно только то, что она действительно знала Кропоткина, а все остальное—плод больного воображения Бордика. Никаких отметок на полях книг заведующая книжным складом не делала, никого она не убеждала в необходимости уничтожения пищевых припасов во время революции или отравления воды и никогда никого из книжного магазина не выгоняла. Эти дикие мысли могли придти в голову только самому безответственному человеку.

Печальнее всего тут то, что Бордик не только автор вышеизложенной чуши, но и автор книги, которой все еще зачитывается некоторая часть общества. Чего же можно ожидать от читающей публики, если ее кумир способен на такие пакости?

Анархист

АНАРХИСТЫ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В телевизионной программе "Look in on London" по каналу № 9 был передан заснятый в лондонском Хайд Парке фильм, на котором фигурирует множество людей в разнообразных позах, в том числе и ораторы, выступавшие с речами на октрытых митингах в Хайд Парке. Рецензент газеты "Фридом" отмечает, что было удивительно видеть на незнакомом экране знакомые лица, из коих он упоминает *Солли* из Лондонского Форума, прозванного старым "Чёрчилем" и крикливым странником, переходящим от трибуны к трибуне с толпой людей, следующих за ним по пятам; ирландского оратора Матюса, выступающего с трибуны цветных рабочих. Интервью продюсера с "премьерминистром" Хайд Парка — Бонар Томпсоном, который дает глубокий анализ жизни человека, живущего публичными выступлениями и его собственную философию. Затем следуют анархисты.

Джон Бишоп, "схваченный в полете" расширения дела Лондонской Группы Анархистов, стоит смело впереди многих тысяч заснятых на фильм людей. Его спрашивают об отношении анархистов к закону и порядку. Бишоп отвечает, что нет необходимой связи между законом и порядком и что анархисты остаются при убеждении, что народ может жить в полном порядке без принуждающих законов. Его уверенный голос и выразительность мысли — очень убедительны.

Второй оратор — анархистка Рита Мильтон, единственная женщина-докладчица, выступавшая с речью в Хайд Парке во время съёмки. Рита говорит с ораторской платформы, выражая оппозицию анархистов против господства правящих групп над народом. После доклада продюсер Майкел Инграмс спрашивает Риту, почему она стала анархисткой. В ответ Рита говорит, что прежде она противилась делу анархизма, когда впервые она услышала об анархизме в Глазго, но вскоре она разочаровалась во всех политических партиях, когда поняла, что только анархизм дает правильные ответы на мировые проблемы. Она рассказывает интервьюэру, как она зарабатывает на жизнь, а свободное от работы время посвящает расширению дела анархизма и пропаганде его идей, добровольно и бесплатно.

Спрошенная, как сильно анархическое движение в Британии, Рита Мильтон отвечает, что оно самое слабое, и шутя добавляет, что последнюю свою конференцию анархисты имели в телефонной будке — вот, мол, как мало анархистов в Британии. Но продюсер соглашается с Ритой, что дело не в количестве, а в качестве.

Анархисты вышли хорошо на экране в упомянутой программе телевидения. Оба оратора (Джон Бишоп и Рита Мильтон) производят достойное впечатление на зрителей своими доводами и устремленностью. В интервью Рита убеждает слушателей своей искренностью и объективностью, с которыми анархисты отстаивают свою точку зрения. ("Фридом" № 34, 25-8-56).

Развитие индивидуализма в течение трех последних веков — т. е. усиливающееся стремление каждой отдельной личности обеспечить себя, помимо всех остальных, — об'ясняется главным образом, стремлением человека оградить себя от власти капитала и государства. Некоторое время, большинство людей думало, а те, кто служил выразителями мыслей большинства, проповедовали, что, обеспечив себя, каждого порознь, человек сможет вполне освободиться и от государства, и от капитала. "Деньги, думали люди, дадут мне возможность купить все, что мне нужно, в том числе и свободу." Но оказалось, что тут крылась глубокая ошибка. Современная история заставляет каждого признать, что деньгами ни свободы, ни даже личного, продолжительного и стойкого обеспечения нельзя купить; что без сотрудничества всех, отдельный человек бессилен, как бы не были его сундуки полны золотом. — П. КРОПОТКИН.

ЛОЖНЫЕ ОБВИНЕНИЯ

В новом издании Энциклопедического Словаря Ф. Павленкова имеется добавление, в котором клеймится Н. Махно и Махновское движение на Украине, как погромное. Не знаю, кто является автором этой злостной заметки, но для меня ясно, что он написал ложные сведения о Махно и его деятельности. Повидимому, автором является кто-то из белых, которые и до сих пор не могут забыть ту отважную борьбу, которую вел Махно против всякой контр-революции.

Прошло уже 38 лет со дня революции, а темные силы продолжают лгать о Махновском движении, не приводя никаких фактов, которые могли бы подтвердить, что Махно устраивал еврейские поргомы. По этому вопросу многое писалось в 20-х годах в еврейской прессе, т. к. в то время многим евреям удалось убежать из России. Зажиточный класс евреев, конечно, пострадал материально от разных контрибуций и конфискаций, а некоторые пережили и погромы. Очутившись в Европе или Америке, они бросали необоснованные обвинения против Махновского движения, но никто из них не мог подтвердить фактами, что Махно устраивал еврейские погромы, ибо таких фактов нет.

Обвиняя махновцев в еврейских погромах, этим они обвиняют сотни евреев, принимавших активное участие в Махновском движении, в котором многие из них занимали видные посты. Многих из еврейских махновцев я знал лично, как например, Иосиф и Лия Гутман и Яша Алый из Детройта, Сёма Фридман и Аарон Барон из Чикаго, Рахиль Гуревич из Филадельфии и много, много других, имена которых забыл; все они принимали активное участие в Махновском движении.

Когда в 1921-22 годах большевики повели усиленную кампанию против анархистов и махновцев, они подвергали их жестоким преследованием и всяческим репрессиям. В то время активно работавший в Набатовском и Махновском движении И. Тепер (Гордеев) решил перейти в лагерь большевиков. По национальности Тепер — еврей. Чтобы попасть в "большевицкий рай," И. Тепер написал брошюру "Махно," которая, пройдя через строгую партийную цензуру, была издана большевиками в 1924 году в Киеве. В этой брошюре Тепер старается во-всю очернить анархистов, Махно и Махновщину. Но несмотря на ярую злобу, И. Тепер и большевики должны были признать тот факт, что Махно не причастен к еврейским погромам на Украине. Из этой брошюры Тепера "Махно" я приведу ниже выдержку, которая свидетельствует, что Махновское движение решительно боролось против всяких погромов.

"Теперь уместно будет уделить несколько слов тому, как вообще преломлялся в махновщине национальный вопрос. В силу многих обстоятельств и причин нельзя говорить о махновщине, как о национальном шовинистическом движении, и приписывать ему погромы и т. д.... Сам Махно далек был как от национализма, так и антисемитизма, которые ему многие приписывают. Если за время существования махновщины число еврейских жертв насчитывается в достаточном количестве, то причину нужно искать не в какой-либо регламентированной антисемитской программе махновщины, а в присутствии в ее рядах достаточного количества уголовно-бандитского элемента, для которого еврейство представляло самый удобный объект удовлетворения уголовных побуждений. Но последние с не меньшим успехом грабили и крестьянство там. С этим элементом, хотя он имел полное гражданство в махновских рядах, Махно сильно боролся...

"Антисемитизм и попытки к еврейским погромам усиливались всегда во время слияния с каким-небудь явно-петлюровским отрядом. Так, в 1920 году, после слияния с отрядами Левченко, Мятяша и Живодерова, настолько усилилась погромная агитация, что чуть не завершилась в деревне Шишаки настоящим еврейским погромом, но Махно своевременно принял меры и расстрелял человек 10-15. Еще до этого случая был расстрелен Мятяш за грабеж крестьян, а Левченко успел вовремя удрать. Итак, ни Махно, ни основной кадр махновщины, ни запорожское крестьянство в целом не были заражены национально-шовинистическими стремлениями. Антисемитизм, лозунг: "Бей жидов и комиссаров"— никогда не был, в силу всех вышеуказанных причин, лозунгом махновщины..."

Это говорят не анархисты, а их ярые противники и преследователи — большевики, которые стараются изо всех сил очернить анархистов. Стало быть, обвинение махновцев в еврейских погромах—гнусный выпад и клевета.

Б. Е.

Нет сомнения, что будущая революция разразится — как было с революцией 1848 года — во время какого-нибудь крупного промышленного кризиса. За последние тридцать лет, промышленность все время перебивается кое-как между тучных и голодных лет, и это положение может только ухудшиться; все способствует этому: — конкуренция молодых стран, выступающих на сцену в борьбе за старые рынки, войны, все растущие налоги и государственные долги, неуверенность в будущем, крупные предприятия в отдельных странах...

— П. КРОПОТКИН.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БЕРКМАНА

Время летит как-то незаметно, но быстро: 28 июля 1956 г. исполнилось ровно 20 лет со дня смерти нашего незабвенного т. Беркмана. И когда начинаешь перелистывать страницы жизни этого неустрашимого борца за свободу и справедливость, то его облик встает в воображении таким, каким он был в бурные годы своей активной деятельности.

Александр Беркман родился в Ковно 18-го ноября 1870 г. В детстве его потрясло трагическое происшествие в их семье: его дядя Максим был присужден к смертной казни за революционную деятельность. Это трагическое событие оставило глубокий след в душе мальчика, который, оказалось, пошел по стопам своего дяди, примкнув к революционному движению, и молодым юношей вынужден был бежать из России.

В 1888 году Беркман (уже в Нью Иорке) принимает активное участие в устройстве митинга в память чикагских анархистов, казненных в 1887 г. Его бурный характер и желание работать на благо обездоленных встретили некоторые препятствия: тогда он не знал еще английского языка, а русского революционного движения в Америке не было, поэтому Беркман начал мечтать о возвращении в Россию.

Но вскоре Беркман познакомился со страстным проповедником свободнических идей — Иоганном Мостом, который издавал в Нью Иорке газету на немецком языке, пропагандировал прямое революционное действие и этим оказывал большое влияние на немецких рабочих. В лице Моста молодой Беркман нашел то, чего он искал,—бурный порыв к действию,—и стал его пылким поклонником.

В мае 1892 г. рабочие сталелитейных заводов в Питтсбурге объявили забастовку. Администрация заводов наняла целую армию частных детективов и стачколомов. Произошло столкновение, в результате которого было убито много рабочих. Это кровавое событие потрясло А. Беркмана, который никак не мог примириться с произволом хозяев и пролитием крови рабочих. Поэтому 23 июля 1892 г. Беркман приехал в Хомстед, Пеннсильвания, и направился в кабинет управляющего заводом г-на Фрика. Увидя перед собою плотного мужчину, Беркман спросил: не он ли г-н Фрик? Получив утвердительный ответ, Беркман выстрелил в него из револьвера, но не убил, а только ранил Фрика.

Выстрел Беркмана произвел переполох в руководящих кругах американской буржуазии, пресса которой требовала суровой расправы с Беркманом. Но Фрик остался жив и Беркмана присудили к 21 году тюремного заключения.

Пробыл Беркман в тюрьме 14 лет и в мае 1906 года был освобожден. Отбывая тюремное заключение, Беркман начал писать свою книгу "Тюремные воспоминания анархиста," которая была закончена по выходе из тюрьмы и признана критиками одной из лучших книг о жизни в американских тюрьмах.

Пребывание в тюрьме, несомненно, было тяжело для Беркмана и он начал мечтать о побеге, о чем известил товарищей на свободе, которые сняли пустой дом против тюрьмы. Два товарища, купив нужные инструменты, приступили к рытью подкопа. Тяжелая и опасная работа уже приближалась к концу, как вдруг все это, к великому огорчению друзей Беркмана, было обнаружено тюремной администрацией... План провалился и пришлось еще долгие годы провести в тюрьме, по выходе из которой Беркман принял участие в издававшемся Эммой Гольдман журнале на английском языке—"Мать-Земля," а затем в целях расширения пропаганды он начал издавать свой журнал — "Порыв."

В 1914 году Беркман переехал в Сан-Франциско, где в 1917 г. во время патриотического парада для подготовки общественного мнения к вступлению США в войну кто-то бросил бомбу. Несколько участников парада было убито. Власти арестовали двух руководителей рабочего движения—Томаса Муни и К. Биллингса, обвиняя их в бомбометании. Со всей своей энергией Беркман выступил в их защиту. Он поднял в стране большой шум и так взбудоражил общественное мнение, что власти штата Калифорнии решили обвинить его в соучастии бросания бомбы и потребовали от властей штата Нью Иорк его выдачи. Но их желание не сбылось.

После вступления США в первую мировую войну Беркман и Эмма Гольдман открыто выступили против войны и против принудительной воинской повинности. За это оба были арестованы на одном из массовых ми-

тингов. Их обвинили "немецкими агентами" и присудили к двум годам тюрьмы каждого и 10,000 д. штрафа, с рекомендацией—выслать из США после отбытия срока заключения.

Революция в России 1917 года окрылила Беркмана. И так как он и Эмма Гольдман подлежали депортации, то они решили поехать в Россию. Мечта их сбылась: в конце 1919 года они вместе с другими анархистами, членами Союза Русских Рабочих, были отправлены в Россию на "знаменитом" пароходе "Буфорд."

Однако в России они не нашли того, чего искали: большевики уже успели показать себя не защитниками, а душителями свободы и справедливости. Проработали они около двух лет в красной сатрапии с затаенной мечтой — бежать оттуда, что им в конце концов и удалось. Этому способствовало то обстоятельство, что в то время шла подготовка к созыву анархо-синдикалистского конгресса в Берлине, инициаторы которого, зная, что Беркман и Гольдман стремятся выехать из России, заявили советскому правительству, что присутствие на конгрессе Беркмана и Гольдман весьма желательно.

Большевики, тогда еще заигрывавшие с рабочими организациями заграницей, дали Беркману и Гольдман разрешение на выезд из России. Очутившись на свободе, Беркман со всей силой ударил в набат. Его две брошюры — "Кронштадтское Восстание" и "Большевистский Миф" — в полном мере отразили большевистский произвол и террор в России.

Находясь в Берлине, Беркман организовал фонд помощи арестованным анархистам в России. Он неутомимо работал в этом фонде до последных дней своей жизни — кипучей и бурной. Тюрьма, невзгоды и кипучая revoчая революционная деятельность расшатала его здоровье. Он болел. Не смог перенести мучений и 28 июля 1936 г. покончил с собой. Так закончилась жизнь великого борца и человеколюбца.

После смерти Беркмана фонд помощи анархистам был переименован в Фонд помощи имени Александра Беркмана. Светлая память о Беркмане никогда не поблекнет.

Б. В. Е.

Помещик богатеет от мужичьей бедности; и точно также, от чужой бедности богатеет хозяин фабрики и завода. — П. КРОПОТКИН.

К ЗАРОЖДЕНИЮ "ВОЛНЫ"

Очерк И. У., напечатнный в историческом отделе "ДТП" в № 51-м, имеет важное значение, потому что он написан одним из инициаторов издания журнала "Волна." Будущий историк будет иметь в своем распоряжении документальные данные об инициативе и деятельности простых русских рабочих в Америке.

Первый редактор "Волны" — Европейский в 1920 г. принимал активное участие в групповой работе. Он состоял членом четвертой группы.

Около 8-ми месяцев я жил с ним на одной квартире. Хорошо помню один эпизод: проходя однажды мимо киоска на улице Вудвард, Европейский взглянул на заголовок газеты и, повернувшись ко мне лицом, сказал со вздохом:

—Кропоткин умер...

Вскоре после смерти Кропоткина Европейский уехал в Россию. Помню, в начале 1921 г. его и меня временно отложили с работы у Форда. Денег у нас было мало, и по этой причине Европейский часто волновался. Затем у него появилось желание уехать в Россию, но не хватало денег на шифскарту. Когда мы встретились с его братом, последний обещал дать ему нужную сумму денег на проезд.

После этого разговора я вскоре уехал в Миннесоту, а Европейский в Россию. Так я расстался навсегда с первым редактором журнала "Волна."

Допускаю, что И. У. не знал о финансовом затруднении Европейского, ибо последний по своей скромности никому не говорил о личном положении. Говорил он об этом со мной и со своим братом, открыто передавая ему свои переживания. Опасался он и ареста, т. к. дезертировал из армии. Однажды он заметил на улице солдата, с которым служил, и страшно испугался. В миг мы дали тягу в толпу, дабы избежать встречи с ним.

В 1920 г. Яков Санжур вел разлагательную работу против анархистов. Европейский дал ему ответ в "Волне," кажется, в № 3-м. Санжур очень обиделся и отказался набирать и печатать "Волну" в Чикаго. Для нас в то время это была большая беда. Но с тех пор, начиная с № 4-го, издание "Волны" было перенесено в Детройт.

Член 4-й Группы

ЗАПИСКИ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Библиография)

Мемуарная литература о русской революции 1917 года недавно обогатилась книгой А. Гордина "Воспоминания о русской революции 1917 года." Авторов книг об этой великой революции следует, по моему мнению, классифицировать, как партийных и анархических. Первые, заинтересованные в торжестве властнических идей, излагают события в узком, партийном духе, не брезгуя искажением и фальсификацией фактов; вторые, не заинтересованные в господстве, освещают события более или менее объективно и правдиво. К разряду последних надо причислить и автора "Воспоминаний."

Книга состоит из разрозненных, но интересных рассказов, сцен и эпизодов, общая картина которых сводится к одному основному фактору — революции, способствовавшей преобразованию старой, цар кой России в новую, свободную страную... Автор хорошо знаком с зарождением и развитием революции. В некоторых событиях он принимал близкое участие и знает то, о чем пишет.

Как известно, февральская революция 1917 г. вспыхнула стихийно и широкой волной разлилась по всем уголкам необъятой России: в крупных и малых городах, в захолустных деревнях и селах и в заброшенных местечках. Но особенно сильно и грандиозно она проявилась в столичных городах Москвы и Петрограда. Эта революция не была исключительно рабочей. Она носила самый широкий народный характер и затронула все слои народа: рабочих, крестьян, интеллигенцию, женщин, солдат и некоторую часть недовольных офицеров. Уличные демонстрации, рабочие забастовки, студенческие волнения, крестьянские бунты и восстания, волнения в армии и флоте, многочисленные митинги и собрания, — всё слилось вместе и образовало грандиозную картину пробуждаемой от спячки страны. Россия освободилась от ненавистного царского режима: все партии, группировки, течения и отдельные лица пользовались свободой слова, печати и организации. Вся страна буквально представляла собой сплошной, "перманентный" митинг. Все спорили и дебатировали открыто: большевики с меньшевиками, эсэры с кадетами, анархисты с социалистами, солдаты и рабочие с прибывшими эмигрантами и освобожденными из ссылки и тюрем революционерами. И почти все споры вращались вокруг одного главного, центрального вопроса: нужна или не нужна власть?

Автор указывает, что февральская революция 1917 г., начавшись ниспровержением царского режима, таила в себе мощные разрушительные и созидательные силы, приведшие большевиков, спустя несколько месяцев, к насильственному захвату власти и установлению "диктатуры пролетариата." Многомиллионное крестьянство, долгие века жившее под тройным гнётом аграрного, политического и духовного рабства, ожило духом и развернуло свою мощь, выразившуюся в целом ряде бунтов, восстаний и захватов помещичьих земель. Ему навстречу шел рабочий класс, связанный с крестьянством родственными социально-политическими и экономическими интересами. И рядом с крестьянством и рабочим классом шла в борьбе сознательная трудовая интеллигенция, большие исторические заслуги которой именно в том, что она выявила и определила все случайные и стихийно-разрушительные силы революции, направив их в определенное русло реализации конкретных социальных идеалов.

Февральская революция застала врасплох почти все политические и революционные партии. Умеренные либералы и кадеты дальше конституции не шли; они боялись революции и выступили против неё. Правые социалисты-революционеры и социал-демократы-меньшевики, имевшие в первые месяцы революции в своих руках государственную власть, стали в оппозицию наростававшему революционному движению народных масс. Их стремления и действия не шли дальше надежд на Учредительное Собрание или демократическую республику. Наиболее передовыми, авангардными силами революции были левые социалисты-революционеры, большевики и анархисты. Они стремились к расширению и углублению революции и добивались коренного переустройства всей политической и экономической жизни страны на социалистических основах. Они образовали единый фронт борьбы и призывали трудовой народ к немедленному захвату фабрик, заводов, банков, домов, земли и других богатств и к установлению в стране социалистического строя.

Особую роль в развитии революции, по свидетельству автора, сыграли анархисты. Их организации и литература в значительной степени способствовали революционному подъёму и выяснению многих спорных социальных вопросов. При царском режиме анархизм был запрещен. Но с победой революции положение изменилось и анархизм стал широко распространяться. В Москве к тому времени нашлось много подпольной анархической литературы, сохранившейся со времени первой революции 1905 г. Её вытащили на "свет божий" и стали распространять по книжным лавкам, частным домам, на собраниях и лекциях. Среди этой литературы были сотни и тысячи якземпляров Штирнера: "Что такое собственность?", Штамлера "Сущность анархизма," Кропоткина "Взаимная помощь, как фактор эволюции," некоторые произведения Бакунина и др. Эту и другую литературу распространял организовавшийся анархический клуб "Союз Пяти," символизировавший пять угнетённых классов: рабочих, крестьян, интеллигенцию, женщин и отдельных личностей. Этот же клуб организовал в Москве первые анархические митинги, лекции и дискуссии с некоторыми противниками анархизма. И спустя короткое время в Москве же организовалась "Федерация анархических клубов и союзов," начавшая издавать еженедельный орган "Анархия," перешедший затем в ежедневную газету. "Анархия" распространялась в сотнях тысяч экземпляров и находила много новых сторонников анархизма.

Но положение в свободной, дооктябрьской России скоро изменилось к худшему. Достигнув в октябре 1917 г. власти, большевики жестоко расправились со всеми оппозиционерами. Своими террористическими мерами по отношению к инакомыслящим они оттолкнули от себя всех истинных борцов за подлинное освобождение народа. Свои главные удары новые властители направили против анархистов,

которых большевики считают своими традиционными врагами (со времени идеологической борьбы между Бакуниным и Марксом) и с которыми не может быть никакого примирения. Однако, иезуитская политика большевиков в первый период революции сводилась к тому, чтобы сначала использовать анархистов в целях пропаганды и как революционную силу, необходимую для окончательного разрушения старых устоев власти, а затем совершенно отстранить их от всякого конструктивного дела. И укрепившись в своей диктаторской власти, большевики постепенно уничтожили в стране не только анархическое, но и всякое другое оппозиционное движение.

В одной из последних статей автор подробно рассказывает о террористическом покушении на жизнь Ленина, происшедшем в конце августа 1918 года. Террористка Фаня Каплан стреляла в Ленина три раза и легко ранила его. Арестованная, она обвинялась судом в намерении убить Ленина и была сослана на вечное поселение в Сибирь. На процессе она держалась стойко, заявив, что она социалистка-революционерка и считает Ленина изменником и душителем революции и свободы в России и главным виновником всех большевистских преступлений.

Л. Липоткин

ЗАКОН ВЕРЫ

Вечерами, когда дневная сумятица и город погружался в тишину, на него нападал страх. Страх парализовал тело, цепенил волю, опустошал рассудок. Он закрывал наглухо ставни окон, проверял крепость дверных задвижек, тушил свет... Так, впотьмах, просиживал за столом часами. Когда наваливалась дремота, он быстро раздевался, ложился в кровать, укрываясь с головой одеялом. Но малейший стук за окном, шаги заставляли садиться и не спускать глаз с двери. Он ждал...

Наступало утро. Сквозь ставни пробивались светлые тени зари. Вместе с ночным мраком уходил и страх. Он открывал окна, распахивал настежь двери, смеясь в душе над ночной жутью. Приветствовал солнце. Он так любил это солнце. Ему он посвящал, будучи незаурядным поэтом, большинство своих стихов.

Позавтракав, он спешил к своим друзьям, в организацию. Товарищи его любили. Своим мягким характером, ласковыми голубыми глазами, он вызывал к себе чувство сильнее дружеского. Его считали за брата. Волнистые, светлые волосы, свисавшие на высокий вдумчивый лоб, заканчивали его красивое лицо.

Боевая организация, в которой он состоял, перенесла не мало потерь: два раза "горела." Одного повесили. Многие сидели в тюрьме. Сидел и он, будучи арестован со своим близким другом Григорием, которого знал давно. Они были однолетки и тезки, ходили вместе в школу...

Оставшиеся на свободе товарищи все средства пустили в ход для их спасения.

Когда их вели в суд, они, полученной с воли махоркой, засыпали глаза конвоирам и бежали...

Любимым его стихотворением было "Солнце." Он его декламировал на работе, дома, сидя в тюремной камере:

"Разбросало солнце золотые лучи.
По дорогам журчали весенние ручьи.
Зазвенели песнями отклики души..
И запел соловушко в утренней тиши..."

В один поздний вечер, когда тусклый свет уличных фонарей заволокло осенним мокрым туманом, он, сидя за столом, услышал условный стук в дверь. Подошел. Откинул задвижку.

Вошло четверо. С ними он скрывался от полиции, печатал на гектографе прокламации. Жил с ними одной жизнью. Сейчас и голоса и лица их были чужие. Ноги сразу одеревенели.

—Одевайся!.. Идем.

—Куда?

—К Григорию.

—Может... завтра?

—Завтра поздно.

Слова упали тяжелым сплавом.

Набросил на плечи пальто. Кепку забыл. С непокрытой головой вышел из квартиры. Молча шли по грязным улицам городской окраины. Вот и домик Григория, в знакомом садике. Вошли. Стоявший у окна Григорий даже не взглянул на вошедших. Долго сидели, не произнося ни слова.

—Зачем позвали? — вырвался вопрос.

Григорий подошел к нему и протянул лист бумаги.

—Читай... твой донос... в охранку...

Капкан жизни захлопнулся.

—Скажи! — продолжал Григорий. — Скажи, за что?.. за что, ты растоптал веру в себя? Ты... на которого мы молились... про-во-ка-тор... Да говори же, говори!.. Что заставило тебя идти на это? — Он молчал.

—Да ты хотя оправдайся! — крикнул Григорий. — Тебе же дают время для объяснения... Трое погибли, твоя вина... Двадцать сидят... Твоя вина... Отвечай!.. Не выдержал допроса?.. Заставили?.. или... сам...

—Вы не поймете... Сердце не мирилось с рассудком. — Произнес тихо.

—Кому же ты отдавал сердце и кому рассудок?

—Вы не поймете...

—Понять не трудно... а страшно.

—Больше ничего не скажу.

—Пойми, сегодняшняя ночь может быть последняя для тебя.

Пощады он не просил. Сидел молча, закрыв лицо платком.

В комнату вошло еще трое.

—Правда?

—Правда.

—Сегодня?

—Да... Его вели из комнаты.

—Бросим жребий?

—Нет... Я возьму на себя.

—Зачем?.. Тебе не под силу, Григорий...

—Я ввел его в нашу федерацию... Я так же виноват перед вами.

—А может... повременить?.. Он ведь ничего не сказал.

—Сколько пережито вместе... может не виноват...

—Молчит же... Почему молчит?..

—Тогда...

Его вернули в комнату. Он понял.

—Об одном прошу... завтра...

—Больше ничего не скажешь?

—Нет.

—Идем.

Выстрел расколол воздух. Потухшим взглядом встретил он утро, лежа на берегу речки Лопани. На груди записка: "По постановлению 'БОФВБ' убит провокатор Григорий Искра."

А. Вольный

"ВОЙНА УЧРЕЖДЕНИЯМ, МИР ЛЮДЯМ"

"Когда мы будем изучать историю человечества в свете естественных наук, когда мы будем рассматривать сложные социальные явления, называемые революциями, то мы заметим, что индивидуальная воля играет крайне незначительную роль в тех великих потрясениях, которые меняют судьбы народов; при тщательном изучении истории мы можем увидать истинные причины революций и изменений, которые кроются во влиянии среды.

"Для человека, который станет на эту точку зрения, ненависть к отдельным лицам исчезает. Кому из нас придет в голову делать ответственным за его грубость какого-нибудь несчастного бродягу, которого третировали с самого его рождения как парию. При виде преступника или проститутки, в нас пробуждается не чувство негодования против данной личности, но чувство негодования против того порядка вещей, который порождает уродливые явления...

"Такое же чувство негодования пробуждается в нас, когда мы подвергаем критике буржуазный общественный строй. Мы считаем, что буржуазия эксплоатирует трудящихся, что она является преградой для прогресса. Мы это говорим спокойно, потому что это — научная истина, а не крик слепой ненависти; из этого факта мы выводим заключение, что нужно бороться с буржуазными учреждениями, но из этого нисколько не вытекает, что необходимо ненавидеть отдельных буржуа...

"Вот почему мы говорим: 'социалисты, будьте снисходительны и в то же время жестоки."

"Будьте снисходительны к вашим ближним, то-есть ко всем людям вас окружающим. Не забывайте, что они слабы, злы, суеверны часто не по своей воле, а в силу обстоятельств, в которых они жили и воспитывались. Вспоминайте чаще, что нельзя, убивая личность, разрушать общественный строй, а что, наоборот, — **только разрушая учреждения, мы можем изменить и возродить людей.**

"Вот почему будьте жестоки к учреждениям... боритесь неутомимо с ложными идеями, и вредными мнениями, с несправедливостью и с ложью.

"Пусть будет вашим девизом лозунг: **'Война учреждениям и мир людям!'."**

("Прогресс," 3.4.1869)

В самом деле, главное зло буржуазного строя заключается не только в том, что капиталист получает с каждого промышленного или коммерческого предприятия значительную часть барышей, доставляющих ему возможность жить не работая: оно лежит, как мы уже видели, в том, что все производство, взятое в целом, идет по совершенно ложному пути, так как его цель — отнюдь не обеспечение благосостояния для всех. Оно ведется наудачу, — ради барышей, а вовсе не ради общественных нужд.

— П. КРОПОТКИН.

О ВОЗВРАЩЕНЦАХ В СССР

Ушло уже четыре парохода в Одессу с тысячами российских эмигрантов, проживших десятки лет в Аргентине. Среди них не было ни одного из бывших ди-пи, испытавших на себе все прелести большевистского "рая." Другое дело старые имигранты, особенно те, которые попали под влияние хитрой и назойливой большевистской пропаганды. А таких наивных, обманутых много найдется в американских республиках.

По окончании войны большевики, согласно ялтийскому договору, при помощи американских и английских штыков увезли в свой рай много бывших военнопленных и других выходцев из России, загнаных немцами на принудительные работы в Германию. А когда стало известно, что увозимые большевиками люди насильно направляются в сибирские лагеря и отчасти растреливаются, то прекратили насильственную выдачу людей.

Но большевистская власть, потерпев частичную неудачу в насильственной репатриации, создала агентство, во главе полк. Михайлова, для завлечения российских беженцев из-за железного занавеса на "дорогую социалистическую родину." Оно повело упорную агитацию среди послевоенных эмигрантов, но видя, что рыбка (бывшие военные чины, офицера и рядовые) уплывает из мутной большевистской воды, большевистская пропаганда взялась за обработку старой эмиграции, находящейся заграницей свыше 40 лет и пустившей глубоко корни в чужих когда-то странах. Хотя границы России закрыты большевиками для массового и добровольного возвращения старых российских эмигрантов с самого окончания гражданской войны, с момента укрепления сов. власти, теперь же — большевистское благодеяние! — поднят железный занавес для возвращения старой эмиграции, **но не добровольно и самостоятельно,** а в порядке чисто большевистской диктатуры.

Благоприятной почвой для вербовки наивных податливых старых эмигрантов явилась Аргентина, где бывший диктатор Перон, ликвидировавший все либеральные прогрессивные течения, предоставил широкое поле деятельности среди русской колонии родственной ему по духу русской большевистской партии. Перон пал, но его договор с СССР о вербовке российских и других выходцев за железный занавес остается в силе до 1958 года. Именно вследствие этого договора, большевистская партия не встречает никакого препятствия до сих пор в своей гнусной пропаганде. В Буэнос-Айресе на улице Фалучо в доме № 135 есть большевистский клуб имени Белинского. Наряду с другой русской молодежью получила большевистское воспитание шестнадцатилетняя Анюта Левчук, которая, вопреки протестам отца, уехала было 11 июля 1956 года в "отечество трудящихся всего мира" на пароходе "Сальта." Установленный комиссарами на пароходе режим рассеял Анютины иллюзии о райской жизни в СССР и она вернулась назад в Аргентину.

Анюта, между прочим, рассказала корреспондентам, что пасажиры "Сальты" были разбиты на 40 групп. Во главе каждой был комиссар, они-то, комиссары, и региментировали их жизнь: в 7 часов — завтрак; 7:30-8:30 — советские песни; 8:30-11 ч. — политзанятия; 11-12 ч. — свободное время, но под **надзором комиссаров.** В 12 ч. — обед. 13-14 — народные танцы; 15-16 — снова советские песни;

16-17 — чтение советских книг вслух, в первую очередь — "История коммунистической партии Советского Союза"; 17-18 — урок русского языка путем ускоренного курса, затем ужин и спать — пораньше. Этот чисто военный режим не мог не навести на мысль, что по прибытии на место обманутым, попавшимся на удочку большевистской пропаганды не дадут спуску, что их загонят в Сибирь или в другие гиблые места на принудительные работы, но ни в коем случае не позволят остаться на воле и рассказывать населению о лучшей жизни в других странах. Именно этого ожиревшие большевистские вельможи боятся пуще огня.

Но почему они после десятилетий запрета въезда старым эмигрантам в Россию решили вдруг впустить их к себе за железный занавес? Потому что послушный им полицейский аппарат власти позаботился, как выше сказано, обезвредить их, заставит держать язык за зубами, а факт "массового" возвращения в СССР старых российских выходцев вызывает у них чувство восхищения "милосердием" большевистской власти, укрепляет в них привитую им большевистской пропагандой веру в осуществленный будто бы большевиками "земной рай" и вызывает желания попасть поскорее в этот рай. Поэтому, с точки зрения большевистской власти, трата миллионных народных средств на пропаганду заграницей дает ей кой-какую выгоду и, главным образом, притупляет у них чувство страха за свою шкуру.

Буэнос-Айрес. **Иосиф Ломоть**

Призыв к Детройтцам

Дорогие товарищи! Посылаем вам 92 д.. из коих 15 д. выручено за проданные номера. а 77 д. в фонд журнала "ДТП"; жертвовали: С. Медынич — 20 д.. М. Волынский — 20 д., Д. Савчук — 10 д., Т. Шумович — 10 д., И. Черный — 10 д. и К. Крутель — 7 д.

Журнал "Дело Труда-Пробуждение" — не частное коммерческое предприятие, а орган Объединенной Федерации Рабочих для широкого распространения в массах идей Свободы. Равенства и Братства. идеалов безвластия и для защиты интересов наиболее обездоленных трудящихся—рабочих и крестьян.

Мы, рабочие, в большинстве случаев дети крестьян. уже доросли до того, чтобы пользоваться для своих освободительных целей таким оружием, как печатное слово. Это не нравится капиталистам, большевикам, фашистам и церкви, которым выгодно держать тружеников в темноте, невежестве и рабстве. Но мы не сложим нашего оружия и будем продолжать нашу борьбу за Свободу, Справедливость и Равенство для всех, за Братство народов. за полное освобождение от угнетения и эксплуатации человека человеком.

Однако, не надо забывать того, что, как всякое большое дело, издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" сопряжено с немалыми затруднениями и требует от нас всех некоторых усилий для того, чтобы поставить его на прочный фундамент. Журнал ведь издается уже 32-й год.

Чтобы упрочить финансовое положение журнала "ДТП," мы обращаемся к вам, друзья и товарищи города Детройта, за содействием. Мы уверены, что вы поддержите наш призыв присылкой новогодних подарков в издательский фонд журнала.

Друзья-товарищи, поздравляем вас всех с Новым Годом и от глубины души желаем вам здоровья и благополучия в наступающем 1957 году.

Профсоюз гор. Детройта

Письма Читателей

КЛИВЛАНД, Охайо. — Уваж. товарищи, посылаю вам в фонд издания журнала "ДТП" 35 д. 50 с. Выручено за проданные номера — 2 д. 50 с., за книги — 6 д.; пожертвования: А. Ф-ко — 13 д., Ф. Барабаш — 5 д., Ф. Д. — 5 д., Г. Ж. — 2 д. **А. Громыко.**

ЧИКАГО, Иллиной. — Посылаю вам 13 д. Жертвовали: В. Пономарев — 1 д., Репиха — 1 д., Ив. Тарасюк (подписка) — 2 д., за проданные номера — 9 д. **И. Волков**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн.—Криворож. шахтер пожертвовал на "ДТП" 30 дол., которые пересылаю вам. **Я. Томсон**

ЛОС АНЖЕЛЕС, Калиф. — Товарищи, посылаю в счет подписки на журнал "ДТП" 5 д. **Д. Атрик**

Помощь журналу

В издательский Фонд "ДТП" поступили, кроме отмеченных в письмах читателей, следующие пожертвования: Нью Иорк — $100.00, Балтимор — Середоенков — $10.00, Счастный — $5.00, Вышинский — $5.00, Кротюк — $1.00, Янук — $1.00, С. Д. — 25 с., Маями, Флорида: Анна и Теодор Коваленко — $5.00.

Поступили в Редакцию

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" под редакцией проф. М. М. Карповича — книга 46-ая, имеющая следующие отделы: Художественная Проза и Стихи; Литература и Искусство; Воспоминания и Документы; Политика и Культура; Библиография; Приложение: Неизданные письма А. И. Герцена под редакцией Л. Л. Домгера. Цена книги — 2 д.

Финансовый Отчет Редакционной Коллегии "ДТП"

от 1-го сентября по 25-го декабря 1956 г.

ПРИХОД:

Поступило в фонд издания № 52 "ДТП"	$376.70

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 51	$351.00
За помещение	40.00
За почтовый ящик	6.00
	$397.00

Дефицит по № 51	$20.30
Дефицит по № 50	93.80
	$114.10

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ